

Читайте в серии
«Опасные Сердца. Темная романтика»

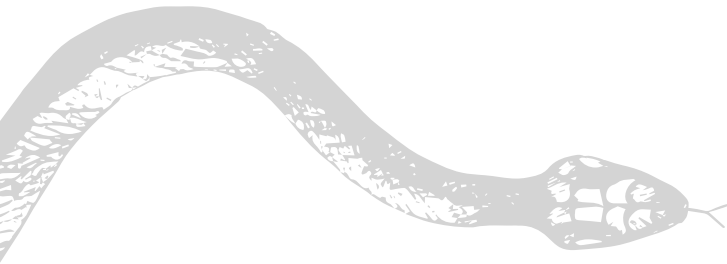
Книги Люси Смоук:

ПРЕКРАСНАЯ ДИКАРКА

ХОЛОДНАЯ КОРОЛЕВА

Продолжение следует...

ЛЮСИ
СМОУК

ХОЛОДНАЯ КОРОЛЕВА

Freedom

МОСКВА
2026

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С51

Lucy Smoke
STONE COLD QUEEN (SICK BOYS SERIES #2)

Copyright 2024 Lucy Smoke

Дизайн И. Пинчук

Смоук, Люси.
С51 Бешеные парни. Холодная королева / Люси Смоук ; [перевод с английского С. В. Костяевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Freedom. Опасные Сердца. Темная романтика).

ISBN 978-5-04-246396-9

Меня зовут Авалон Мэннинг, и я знаю, что такое выживать.

Они думают, что я сломаюсь. Дин Картер и его «бешеные парни» — короли элитной академии Ист-Поинт, где деньги, власть и жестокость правят балом. Они пытаются меня контролировать, унижить, подчинить. Но я не та девушка, что станет на колени.

Дин хочет владеть мной. Он опасен, одержим и безжалостен. Наша ненависть переплетается со страстью настолько токсичной, что может уничтожить нас обоих. Между нами — война. Но я научилась сражаться.

Страшные секреты прошлого всплывают наружу. Я готова пройти через любой ад, чтобы выжить и отомстить. Они хотели сделать меня жертвой. Но я стану королевой. Холодной. Беспощадной. Непобедимой.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© С. Костяева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-246396-9 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Думаешь, я выгляжу как королева?
Что ж, могу тебя заверить, внутри я —
гребаное королевство.

Лорен Иден, «Королевство»

Пролог

Авалон

Мое сердце колотится как сумасшедшее, и я чувствую, как оно медленно, но верно ведет меня к безумию. Пот струится по коже. Я слежу за каждым движением мужчины, пока он пересекает комнату и кладет маску на металлический столик. Затем он присаживается на корточки и снимает сумку, которая до этого висела у него на груди. По грохоту, с которым сумка опускается на стол, можно догадаться, что внутри тяжелые инструменты. Я пытаюсь придумать, что сказать или сделать, но мысли путаются. Единственное, что приходит на ум, — это один вопрос:

Где, черт возьми, Дин?

— Вы считаете себя сильным человеком, мисс Мэннинг? — спрашивает мужчина.

Он отходит от стола, и мое тело пробивает дрожь. Приблизившись ко мне, он опускается на корточки и достает из сапога нож.

Люси Смоук

— Сильным? — переспрашиваю я, стараясь сохранить спокойствие. Внутри меня бушует буря, но голос звучит ровно. — Не знаю. Все зависит от того, как вы понимаете это слово.

Разрезав веревки на моих ногах и руках, он убирает нож обратно в ботинок и крепко хватает меня за запястья. Мужчина помогает мне встать на ноги, но, несмотря на его поддержку, я все равно едва не падаю. Когда я начинаю ощущать свободу движений, то тело пронзает боль.

Он пользуется моментом, чтобы подвести меня к стулу и усадить на него. А затем быстрым движением привязывает мои руки к спинке.

— Интересно, — комментирует он, отступая и глядя на меня сверху вниз. — Большинство людей отвечают мне «да» или «нет».

— Я не большинство людей, — отвечаю я.

Его взгляд скользит по мне, будто в поисках чего-то, о чем я могу только догадываться.

— Хорошо, — продолжает он. — Вы считаете себя трусливым человеком?

На это есть гораздо более простой ответ.

— Нет.

Страх — это чувство беспомощности. Я всегда так считала. Но мужчина не реагирует на мой четкий ответ, хотя вопрос кажется странным. Он отходит к металлическому столу, опирается на него и скрещивает сильные руки на груди. Он похож на парня с немецкого плаката. Светлые волосы, голубые глаза, четко очерченная челюсть с несколькими шрамами.

ХОЛОДНАЯ КОРОЛЕВА

Я не уступаю его взгляду, когда он смотрит на меня, сохраняя зрительный контакт. Я смотрю на него в ответ, молча бросая ему вызов.

— Ты знаешь, кто я такой? — спрашивает он.

— Если бы я знала, кто ты, думаешь, я бы сюда пришла? — фыркаю я.

— Отвечай на вопрос!

— Нет, придурок. Я не знаю, кто ты такой, и не знаю, какого хрена тебе нужно.

Первое — правда. Я не знаю, кто он. Второе — ложь. Я знаю, чего он хочет, и понимаю, почему я здесь. И мне ясно, почему он снял маску: он не собирается отпускать меня живой.

— Мы закончили играть в «двадцать вопросов»?

Он мерзко усмехается, и от этого звука мне становится не по себе, а по спине бегут мурашки.

— Еще один вопрос, Авалон.

Меня бесит, как он произносит мое имя. Меня раздражает его голос. Ненавижу это ощущение бессилия, когда сижу на стуле и жду его вердикта.

Если бы я закрыла глаза и по-настоящему прислушалась к его тихому, вибрирующему смеху, то сначала он мог бы показаться мне совершенно нормальным. Если бы я не смотрела прямо на него и не знала о пыточных инструментах, которые он, вероятно, хранит в своей сумке, то, возможно, я могла бы ошибочно принять его за обычного человека.

Но, несмотря на отсутствие явных признаков угрозы, пустую комнату и сложившуюся ситуацию, я все равно понимала, что он не так прост. В его го-

Люси Смоук

лосе и взгляде есть нечто более глубокое, что заставляет даже самого невнимательного человека обратить на него внимание.

Возможно, это интуиция — внутреннее ощущение. Животные инстинкты подсказывают мне, что с этим человеком что-то не так. Независимо от того, что он пережил или сделал, даже если это было кроваво или шокирующе, он получал от этого удовольствие. И что бы он ни замышлял против меня, его эмоции будут такими же.

Он разжимает руки, выпрямляется и отходит от стола. Подходит ко мне и встает прямо напротив. Одной рукой опирается на спинку стула, касаясь моего позвоночника, и наклоняется так близко, что я вижу синие искры в его глазах.

Вот тогда-то я и замечаю странность в его внешности, отличающую его от остальных. В его глазах нет эмоций. Даже в глазах Брэкса, Абея и Дина, когда они находятся на грани срыва, что-то проскальзывает. Дикость, порочность, хоть какое-то чувство. Но в глазах этого человека я ничего не вижу. Только пустоту. Никаких эмоций: ни счастья, ни ликования, ни угрызений совести.

— Последний вопрос, — заявляет он. Я встречаюсь с ним взглядом, и мое сердце начинает биться сильнее. Затаив дыхание в ожидании, я подавляю свои вопросы и мысли. — Ты боишься меня?

Наверное, так и должно быть. Сказать, что сердце не колотится как сумасшедшее, а мысли не мечутся в моей голове как бешеные, будет ложью. Так же как и утверждение, что он не тревожит меня, что мне не

ХОЛОДНАЯ КОРОЛЕВА

мерзко чувствовать себя ограниченной, беспомощной и связанной. Но боюсь ли я его?

Я смеюсь.

— Забавно, — говорю я, как можно сильнее запрокидывая голову. — Ты считаешь себя страшным, да? Но у меня для тебя не самая приятная новость: я видела вещи, которые могли бы стать кошмаром наяву, и ты на них совсем не похож.

Его улыбка становится шире.

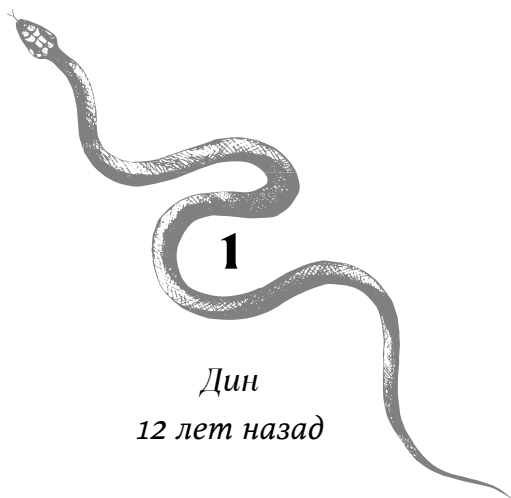
— Это лучший ответ, который я когда-либо слышал. И кажется, он так же отвечает на мой первый вопрос.

— Неужели? — спрашиваю я.

Мужчина кивает.

— Я надеюсь, вы сильная, мисс Мэннинг. Ведь для того, что я собираюсь с вами сделать, силы вам понадобятся.

Дин
12 лет назад

— **Т**ы знаешь, как выглядит смерть? Вопрос может показаться случайным, но я убежден, что в жизни нет ничего по-настоящему случайного, особенно когда речь заходит о моем отце. Николас Картер — человек, который тщательно обдумывает каждое слово и действие, чтобы достичь своей цели. Для него все в жизни — это соревнование.

— Нет, сэр, — отвечаю я, настороженно наблюдая за ним.

— Скоро узнаешь, — спокойно произносит он, с уверенностью человека, который уже убивал, будет убивать снова и уверен, что передаст это искусство своему единственному сыну — мне.

Я неловко ерзаю на стуле, сидя лицом к его огромному столу. Мне почти тринадцать, но эта махина кажется мне непостижимо угрожающей. Она стоит здесь, как гигантское, злое чудовище, даже когда король, обычно сидящий за ней, отсутствует.

ХОЛОДНАЯ КОРОЛЕВА

— Смерть — это страшно, — говорит отец. — Она совсем не похожа на то, что показывают в кино и твоих видеоиграх.

Он всегда начинает разговор о фильмах и видеоиграх с обращения «твой», словно слишком занят или, возможно, слишком равнодушен к тому, что нравится другим. Он сумасшедший. Эта мысль, как навязчивое напоминание, не дает мне покоя, заставляя задуматься о том, что я тоже обязательно сойду с ума. Мы с ним похожи.

— Смерть — это не то, что можно дарить в порыве гнева, понимаешь?

— Да, сэр, — отвечаю я, но ничего не понимаю.

Я должен убивать, но не злиться из-за этого? Разве можно не злиться, если я безумен?

Я злюсь, потому что из-за бессмысленного разговора теряю время с Брэксом и Абелем. Меня раздражает, что отца никогда нет дома, а если он и появляется, то сразу тащит меня в кабинет на скучные лекции о всякой ерунде. Злюсь на маму, которая вечно пьяна. А когда она трезвая, ей становится только хуже. Вся моя жизнь — это безумие, и оно делает меня еще злее.

Николас Картер внимательно смотрит на меня, и кажется, вот-вот отругает за небрежный ответ. Но отец удивляет меня. Вместо очередной ругани он встает с кресла и идет к винному шкафу. Единственному в доме, к которому даже моя мама не смеет прикасаться. Открыв дверцы, отец достает стеклянный графин с оранжево-коричневой жидкостью. Затем наливает немного в бокал, ставит графин обрат-

но и закрывает шкаф. Поворачивается, держа в руке бокал с парой дюймов жидкости, и начинает медленно вращать его, любуясь переливами.

— Дин, отнять жизнь — это нечто глубоко личное, — спокойно говорит он. — Я хочу, чтобы ты понял это.

Почему я должен это понимать? Если отец хочет, чтобы я кого-то убил, пусть скажет прямо. СМИ постоянно твердят, что убивать — это неправильно, да только люди все равно умирают. Тогда какая разница, кто убивает? И почему бы это не сделать мне?

— Когда душа охвачена гневом, злобой, печалью и другими страстями, человек легче идет на насилие. Однако эти чувства — лишь фундамент, на котором все строится. — Я хмурюсь, не до конца улавливая его мысль. — Эмоции делают нас людьми. Но они же нас и разрушат.

Отец наклоняет бокал так, что жидкость вот-вот прольется. Я неотрывно слежу за его рукой и лицом.

— И если ты позволишь им выплеснуться наружу...

Вдруг одинокая янтарная капля мягко приземляется на безупречно белоснежный ковер, и на нем возникает маленькое темное пятно. Я едва сдерживаю порыв вскочить и стереть его, хотя и не могу объяснить почему. Просто все вокруг кажется слишком совершенным, слишком безупречным, и лишь это пятно выделяется, словно рана на гладкой коже. Когда я смотрю на него, меня охватывает странное чувство раздражения, напоминающее зуд, который

ХОЛОДНАЯ КОРОЛЕВА

невозможно унять, пока не устранишь источник неприязни.

— Если ты позволяешь своим желаниям и привязанностям управлять тобой, — продолжает он, — ты становишься зависимым от них. А когда ты зависишь, ты теряешь свою свободу. Эмоции — это сила, но они же могут стать и твоей слабостью. Помни, что только ты сам решаешь, как к ним относиться. Никогда не позволяй им диктовать тебе свою волю.

Отец поднимает голову и смотрит на меня, а затем переворачивает стакан, и остатки напитка все же выплескиваются на пол, пропитывая ковер у его ног.

— Что насчет Брэкса и Абеля? — спрашиваю я, не сдержавшись.

Он не любит, когда его перебивают. Каждый раз, возвращаясь домой после долгого отсутствия, отец неизменно ведет меня в свой кабинет и начинает читать наставления. Его появление всегда сопровождается запахом сигар и почти осязаемым ощущением усталости, но будто из последних сил он пытается передать мне важный жизненный урок.

Его предупреждения — это, кажется, попытка защитить меня от чего-то, через что он сам, вероятно, прошел. От повторения той же истории. Но я понимаю, что он никогда не признается в том, что действительно имеет в виду.

Тем не менее есть вещи, которые для меня очень важны. Их не так много. Я могу обойтись без видеоигр и даже без мамы, которой все равно нет до меня никакого дела. Но Брэкстон и Абель — это другое.